

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА В НОВЕЛЛЕ МАРСЕЛЯ ЭМЕ «САПОГИ-СКОРОХОДЫ»

Fortune and Poverty Seen by a Child: Marcel Aymé's Les Bottes de sept lieues

The article focuses on the short story *Les Bottes de sept lieues* by the French writer Marcel Aymé. The paper seeks to demonstrate the correlation between the story's main theme and the writer's biography. Also, it analyzes the ways that the concepts of Fortune and Poverty are conveyed on the narrative and symbolical levels of the studied text. The appendix contains the translation of the story into the Russian language made by the author. It aims to better familiarize the readers with Marcel Aymé's body of work.

Keywords: *Marcel Aymé, the child's voice in literature, category Fortune/Poverty, literary translation.*

Французский писатель-прозаик, драматург, романист, новеллист и сказочник, Марсель Эме (1902–1967) мало известен российскому читателю. Многие его произведения, в особенности новеллы, до сих пор не переведены на русский язык. В данной статье мы хотели бы рассмотреть тему детского восприятия категории богатство/бедность на примере новеллы Эме «Сапоги-скороходы» (*Les bottes de sept lieues*), впервые опубликованной в газете «Кандид» 29 мая 1940 года.

Сюжет новеллы достаточно прост: семилетний Антуан Бюж, единственный сын небогатой одинокой матери, с группой одноклассников мечтает завладеть сапогами-скороходами, которые они увидели в лавочке старьевщика и считают волшебными. Из-за бедности своей семьи Антуан, в отличие от остальных ребят, не может рассчитывать на то, что мама сможет их ему купить. Он даже не говорит ей о своей мечте. Но чудаковатый владелец сапог, отказавший самой богатой матери, вручает их Жермене Бюж почти даром.

Большое место в тексте произведения занимают размышления писателя о том, как опасна нищета, как она влияет на формирование системы моральных ценностей в сознании ребенка:

«В те дни, когда деньги будут заканчиваться, он наденет сапоги-скороходы. За 10 минут он обежит всю Францию. В Лионе он прихватит кусок мяса с прилавка, в Марселе булку хлеба, пару овощей в Бордо, литр молока в Нанте, пачку кофе в Шербурге. Он даже думал, что сможет раздобыть

для мамы пальто, в котором она больше не будет мерзнуть, и, может быть, даже новую пару обуви. У нее же только одна пара туфель, и та уж очень изношенная. В день внесения квартплаты, если денег не будет хватать, он об этом тоже позаботится. Это легко. Входишь в магазин в Лилле или Каркасоне, в дорогой магазин, куда покупатели не заходят, зажав в кулачке мелочь на покупки. Когда какой-нибудь даме положат сдачу на прилавок, нужно выхватить купюры у нее из рук и, пока она опомнится, ты уже снова на Монмартре. Отнимать чужое — это очень неудобно и стыдно, даже если ты просто представляешь это, лежа в постели. Но голодать тоже неудобно. А когда нечем платить за мансарду и приходится признаваться в этом консьержке и обещать заплатить владельцу, тебе так же стыдно, как если бы ты забрал чужое» (здесь и далее перевод мой. — *И. О.*)*.

Гуманизм и любовь к детям присущи всем новеллам и сказкам Марселя Эме, но в «Сапогах-сорокоходах» они проявились еще ярче. Автору понятны детские мечты о волшебных сапогах, понятно само желание детей верить в сказку, которую они ищут в окружающей их реальности, при этом допуская, что реальность эта могла отрицательно сказаться на силе волшебных сапог: «Возможно, дети не особо верили что, надев эти сапоги, они одним махом перепрыгнут 7 миль. Они даже подозревали, что приключения Мальчика-с-Пальчик — всего лишь сказка, но, не будучи в этом уверены, они легко уговаривали свои подозрения.

Чтобы не грешить против правдоподобия, а, может, чтобы не предстать перед жестокой реальностью, дети допускали, что сила этих волшебных сапог ослабла со временем или иссякла совсем. В любом случае, подлинность их не вызвала никакого сомнения».

Общая тайная мечта объединяет ребят. Каждый из мальчиков по-своему самобытен, все они не слишком послушны, по-разному складываются их отношения с родителями, но вместе они — команда, имеющая одну цель.

Значимые для автора персонажи — Антуан, Жермена и старик-старьевщик — прописаны детально. Причем, если при описании Жермены и лавочника Эме делает упор на внешний портрет и поведенческие характеристики, то образ мальчика открывается нам через его мысли, чувства, мечты.

* Текст новеллы в переводе дан по изданию: *Enjambées / Marcel Aymé; Ill. de Giani Esposito. Paris, 2000. 172, [1] с.; 18 см.*

Эме — замечательный мастер слова. Описание пальто Жермены сделано так умело, что, читая о нем, можно ощутить холод: «Ее пальто слабо ее защищало. Сшито оно было из тонкой хлопчато-шерстяной ткани, и от долгой носки от него осталось одно название. Зимний ветер пронизывал его, словно железную решетку. Наверное, он пронизывал и саму Жермену, которая была не намного плотнее и реальнее своего пальто».

Портреты других персонажей сводятся к одному-двум эпитетам: «она узнала мадам Фриуля, маленькую черноволосую женщину с жестким лицом, у которой на улице Рамэ был продуктовый магазин, где иногда Жермена делала покупки», «отец Нодэна, молодой мужчина в синей форме кондуктора метро». Их роли в новелле второстепенны.

Язык М. Эме богат и самобытен, а юмор и ирония тонко вплетаются в общую канву повествования. Считающие себя, в отличие от Жермены, умелыми и опытными воспитателями, родители мальчиков ругают и наказывают их, на самом деле оставаясь равнодушными к их внутреннему миру.

«— Знали бы вы, как вам повезло, что вы себе чего-нибудь сломали! Хотел бы я оказаться на вашем месте вчера вечером. Вот уж мне влетело дома! Отец уже был дома. Он снова обулся, чтобы дать мне пинка под зад. Что я только не выслушивал вчера целый вечер! Что я закончу каторгой и все такое. А днем он снова начал. И сегодня вечером наверняка продолжит. С ним это всегда растягивается на неделю.

— У меня то же самое, — сказал Рожье. — Если бы я, не дай бог, ничего не сломал, уж и влетело бы мне по первое число!»

И только «Антуан, который не мог вспомнить, чтобы мама ругала его, был единственным, которого такой “счастливый случай” не радовал».

Автор, передавая мысли Антуана, показывает читателю, что для ребенка материальная бедность даже не так страшна, как другой вид бедности — одиночество. Кроме матери, у Антуана нет никого.

«Жермена приносила не меньше апельсинов, конфет и комиксов своему сыну, чем остальные. Однако именно в больнице Антуан так остро ощутил свою бедность, и причиной тому были визиты. Когда он слушал разговоры родителей его приятелей, их жизнь казалась ему нереально

богатой. В их жизни было полно братьев, сестер, кошек, собак, канареек, соседей по лестничной клетке, знакомых по всему кварталу, по всему Парижу, в провинции и даже за границей. Говорили о дяде Эмиле, о тете Валентине, о двоюродных братьях из Аржантея, о письме из Клермон-Феррана или из Бельгии. Юшмен, например, которого считали обычным школьником, был двоюродным братом летчика, а дядя его служил в Тулонском арсенале. Однажды в больницу к Нодэну из Клиши приехала семья из пяти человек, и еще дома кто-то остался!

Жермена всегда была одна у постели Антуана и не приносила новостей ни о ком. В их жизни не было ни дядей, ни двоюродных братьев, ни друзей. Они стеснялись такой пустоты». «На протяжении этой недели он опять жестоко страдал от своей бедности. Ему не о чем было рассказывать, и приходилось слушать и комментировать излияния Юшмена. Нет ничего печальнее, чем роль наперсника <...>. Юшмен надоедал Антуану, без конца рассказывая истории о членах своей семьи. Он не просто так говорил о своих тетях и дядях, он возлагал на них надежды. <...> Послушать его, так его дяди и тетки просто дрались за право купить ему сапоги-скороходы.<...>. Антуан все чаще и дольше задумывался о том, какая странная у него судьба — не иметь ни дядей, ни тетей, ни двоюродных братьев. Если не считать сирот (что тоже не редкость), он не мог себе представить семью меньше, чем его собственная. И это было очень грустно». Этот вид бедности переживался Антуаном гораздо тяжелее, чем отсутствие или нехватка денег. Ведь деньги можно заработать, а близкие или есть, или их нет.

И вот ребенок придумывает себе дядю Виктора — идеального, заботливого, сильного. «Мне куда интереснее думать о моем дяде, который на днях возвращается из Америки»; «Он не привык врать. Его жизнь была настолько простой, что во вранье не было необходимости. Под градусом вопросов он был вынужден подтвердить и развить эту первую ложь, и создание образа дяди Виктора доставило ему удовольствие. Это было больше, чем игра, это был реванш за всю жизнь и это была сама жизнь, вдруг такая богатая, бьющая через край»; «Дядя Виктор был авторитетным, красивым, смелым, щедрым, сильным, образованным. Он убивал по человеку в неделю и превосходно играл на губной гармошке. И уж конечно, он из кожи вон вылезет и не одну семью растопчет, чтобы раздобыть своему племяннику сапоги, о которых он так мечтает».

Ребенок нашел способ побороть тот тип бедности, где деньги бессильны. Он придумал свою реальность, заполнил одиночество. Он играл в свою игру, в этот основной вид деятельности любого ребенка. Он полагал, что мама эту игру не примет — ведь она взрослая. Но вот что интересно: в этой новелле три основных персона-

жа, принадлежащих трем разным поколениям — Антуан, Жермена и старик-торговец — играют в игры, вне зависимости от возраста, а значит, остаются в душе детьми. Старик беседует с чучелом птицы, играет с ним в шахматы, да и все оформление витрины его лавочки — сплошная забава. Жермена, войдя в лавочку, принимает его правила игры, причем делает это абсолютно искренне: «Ей казалось, что птице угрожает реальная опасность».

Может быть, и одиноки они оттого, что, с их детским восприятием счастья и справедливости, эти герои не вписались в рамки взрослого мира.

В любой классической новелле особую роль играет финал. Не является исключением и данное произведение. Писатель делает так, что чудаковатый старик, хозяин лавки, выбирает худенькую, прозрачную, но по-настоящему любящую сына Жермену принцессой и продает ей (а по сути, дарит) вожделенные сапоги. Финал новеллы светел, лиричен и оптимистичен. Сын, надев волшебные сапоги, приносит маме букет первых солнечных лучей с другого конца света. И нет никаких фей и волшебников. Чудеса случаются благодаря пониманию, любви и детскому взгляду на жизнь, который не утратили некоторые взрослые.

Д. В. Питолин

**ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ПРИ МЕТАФОРИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ
КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В РАМКАХ ДИХОТОМИИ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ НА СПАНГЛИШЕ
И АФРОАМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ**

***Historical realia in metaphoric modelling of the concept «alien»
in Spanglish and African-American fiction***

The article describes historical realia that Spanglish and African-American authors use to construct metaphoric concept «alien».

Keywords: *bilingualism, language contact, spanglish, contemporary american fiction, conceptual metaphor.*